

Содержание

Алена Исахания. Слово Евсевия «О сошествии Иоанна Предтечи во ад». <i>Краткая и пространная редакции</i>	3
Михаил Люстров. Лапландско-мальтийская война и королевская игра «копием». <i>Текстуальные трансформации в русских переводных повестях XVII–XVIII веков</i>	11
Константин Лаппо-Данилевский. Федор Корбя — поэт, шпион, филолог и дипломат	19
Олег Заславский. Заколдованное место как пространство смерти	43
Пуя Vinitsky. Dostoyevsky Misprisoned. « <i>The House of the Dead</i> » and American Prison Literature	54
Ольга Макаревич. «Слуги старого века» в произведениях И. А. Гончарова и Н. С. Лескова	77
Александра Чабан. Итоги рецепции русской поэзии 1900 – начала 1910-х годов в «Стихах Нелли»	94
Елена Глуховская. Меланхолический романтик русского символизма. <i>Автобиографический миф Эллы в эпистолярных и поэтических текстах 1912 года</i>	109
Валерий Отяковский. Из полемики вокруг формализма. <i>К. Шимкевич о «Литературном факте» Ю. Тынянова</i>	130
Лада Панова. <i>Внутри горы бездействует...</i> подтекст? <i>К разгадке мандельштамовского кумира</i>	148
Александр Кобринский. Маяковский и прочие. <i>Круг контактов и общения Даниила Хармса во второй половине 1920-х годов</i>	188
Валентин Головин. «Квакинский» вопрос в повести А. Гайдара «Тимур и его команда»	205

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2020 XVI (1-2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnää škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020
© «Летняя школа по русской литературе», 2020

Contents

Alena Isakhanyan. Eusebius's homily <i>On the Descent of John the Baptist into Hell</i> . A short and a long version	3
Mikhail Ljustrov. Lapland-Maltese war and the royal game with a spear. Textual transformations in Russian translated novels of the XVII–XVIII Centuries	11
Konstantin Lappo-Danilevskii. Theodor Corbea – Poet, Spy, Philologist, Diplomat	19
Oleg Zaslavskii. Bewitched place as a Space of Death	43
Ilya Vinititsky. Dostoyevsky Misprisioned. <i>The House of the Dead</i> and American Prison Literature	54
Olga Makarevich. Servants of an Old Age in the works of I. A. Goncharov and N. S. Leskov	77
Alexandra Chaban. The results of the reception of russian poetry 1900 – early 1910s in Nelly's poems	94
Elena Glukhovskaya. Melancholy romantic of Russian symbolism. Ellis's autobiographical myth in epistolary and poetic texts of 1912	109
Valerii Otiakovskii. From discussions around Russian formalism. Konstantin Shimkevich about <i>Literary fact</i> of Yuri Tynianov	130
Lada Panova. <i>Inside the Mountain Idles...</i> the Subtext? Figuring out Mandel'shtam's <i>Idol</i>	148
Aleksander Kobrinsky. Mayakovsky and others. Daniil Kharm's circle of contacts in the late 1920s	188
Valentin Golovin. «Kvakin» question in the story of A. Gaidar <i>Timur and his Squad</i>	205

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ВАЛЕРИЙ ОТЯКОВСКИЙ
(Санкт-Петербург / Тарту)

ИЗ ПОЛЕМИК ВОКРУГ ФОРМАЛИЗМА

К. Шимкевич о «Литературном факте» Ю. Тынянова

В статье анализируется интеллектуальный диалог К. А. Шимкевича и Ю. Н. Тынянова, двух коллег по работе в Институте истории искусств. Главным высказыванием в этом диалоге является неопубликованная работа Шимкевича «Жанр и его термины», критикующая тыняновский «Литературный факт». В статье подробно реферирована эта работа и восстанавливается теоретический контекст, на фоне которого она была создана.

Ключевые слова: К. А. Шимкевич, Ю. Н. Тынянов, «Жанр и его термины», «Литературный факт», формальный метод, Институт истории искусств.

Информация об авторе: Валерий Сергеевич Отяковский, студент Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: klerk95@mail.ru

From discussions around Russian formalism

Konstantin Shimkevich about “Literary fact”

of Yuri Tynianov

The article observes the dialogue of K. A. Shimkevich and Y. N. Tynianov who worked together in Institute of Art history. Central statement of this dialogue is unpublished work of Shimkevich «Genre and its terms», which criticize the «Literary fact» of Tynianov. The article analyzes this work and describes its theoretical background.

Keywords: K. A. Shimkevich, Y. N. Tynianov, «Genre and its terms», «Literary fact», the formal method, Institute of Art history.

About author: Valerii Otiakovskii, student at Saint-Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: klerk95@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2020-16-1-2-130-147

Статья Ю. Н. Тынянова «О литературном факте», впервые опубликованная в 1924 году,¹ стала важной вехой в истории формальной школы. Именно с нее началось развитие того смыслового комплекса, который в итоге привел ученого к почти структуралистским «пражским» тезисам — как пишет М. О. Чудакова, «„эмпирическое“ понятие литературного факта служило Тынянову отправным пунктом достаточно абстрактной концепции, развитой впоследствии в статье „О литературной эволюции“, а также написанных совместно с Р. О. Яковсоном тезисах „Проблемы изучения литературы и языка“».² Восприятие новых витков авангардной формалистской мысли далеко не всегда было однозначным даже в среде единомышленников — в качестве примера можно вспомнить неприятие младоформалистами эйхенбаумовского перехода к изучению литературного быта. Таким же неприятием по отношению к «Литературному факту» отличается незавершенная статья К. А. Шимкевича «Жанр и его термины», рукопись которой хранится в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.³

Константин Антонович Шимкевич (1887–1953) — ленинградский филолог и библиофил, в 1923–1930 годах работавший вместе с формалистами в Институте истории искусств. Он читал историко-литературные курсы о Лермонтове и Некрасовской эпохе, в 1928–1930 годах руководил работой по собиранию автографов в рамках Кабинета современной литературы, однако также занимался и теоретическими вопросами — систематизировал библиографическую картотеку по русской поэтике, преподавал студентам «Историю русской поэтики» и «Теорию малых форм». Среди немногочисленных печатных работ Шимкевича наибольшую известность приобрели статьи, посвященные истолкованию сюжетов из истории литературной эволюции 1840-х: «Бенедиктов, Некрасов,

¹ Изначально статья была опубликована в журнале «ЛЕФ» под названием «О литературном факте», этот вариант имеет ряд мелких разночтений с текстом «Литературный факт», вошедшим в сборник «Архаисты и новаторы». Сличение цитат показывает, что Константин Шимкевич работал с журнальным вариантом, сокращая название до книжного.

² Чудакова М. О. Комментарии <к статье «Литературный факт»> // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 508.

³ Фонд Шимкевича (№ 828) не описан.

Фет»¹ и «Пушкин и Некрасов».² Кроме того стоит отметить его публикации материалов пушкинской эпохи,³ рецензии⁴ и единственную теоретическую статью — «Роль уподобления в строении лирической темы».⁵

Последний из упомянутых текстов несколько раз становился предметом обсуждения для последующих поколений ученых,⁶ отмечавших специфичность авторской терминологии. Действительно, количество непривычных понятий («основной план уподобления», «планомерно обуславливающие уподобления», «опорный тематический пункт», «интродукционное нагнетание» и т. п.) выходит за принятые стандарты небольшой статьи, однако в примечании к статье указано, что это лишь глава из готовящейся к печати книги «Проблема строения лирической темы»⁷ — очевидно, что в самой книге авторская терминология апробируется на более широком материале.

¹ Шимкевич К. А. Бенедиктов, Некрасов, Фет // Поэтика: Сб. статей. Л., 1929. Т. 5. С. 105–134.

² Шимкевич К. А. Пушкин и Некрасов // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926. С. 313–344.

³ Шимкевич К. А. 1) Из отголосков на смерть Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 23/24. С. 123–126; 2) Еще одна дата // Там же. Пг., 1918. Вып. 29/30. С. 34–35; 3) Литературный обед у Смирдина с участием Пушкина // Там же. Л., 1927. Вып. 31/32. С. 111–118.

⁴ Шимкевич К. А. [Рец. на кн.:] Б. Эйхенбаум. «Лермонтов» — опыт историко-литературной оценки // Русский современник. 1924. № 4. С. 261–263; Šimkevič K. Die Lermontov-Forschung seit 1914 // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1925. Vol. 2. No. 1/2. P. 261–268.

⁵ Шимкевич К. А. Роль уподобления в строении лирической темы // Поэтика: Сб. статей. Л., 1927. Т. 2. С. 41–54.

⁶ Еремича В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978. С. 93; Иванюк Б. П. Метафора и литературное произведение: (Структурно-типолог., иссл.-типолог. и прагмат. аспекты исследования). Черновцы, 1998. С. 133. Также см. критический отзыв современницы: Шор. Р. О. [Рец. на:] Поэтика. сб. статей. Временник отдела словесных искусств Государственного института истории искусств. II. Изд. *Academia*. Л. 1927. То же. III. *Academia*. Л. 1927 // Печать и революция. 1927. № 8. С. 177.

⁷ В четвертом выпуске «Поэтики» книга была анонсирована под заглавием «Лирическая тема» (Отчет о научной деятельности Отдела Словесных Искусств ГИИИ с 1/1 1926 по 1/1 1928 // Поэтика: Сб. статей. Л., 1928. Т. 4. С. 153). В другом документе Шимкевич указывает, что «Подготовлена и принята Г. И. И. И. книга о „Лирической тематике“» (В ИЛЯЗВ. Отчет за 1926/27 ак. г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. № 148. Л. 7).

Обращение к архиву Шимкевича значительно расширяет представление о написанных им работах: среди неопубликованных текстов можно назвать статьи о Лермонтове, Плетневе, о песенной рифме народного стиха, несколько работ о Пушкине. Среди трудов, посвященных теоретическим вопросам, помимо полной рукописи «Лирической темы», стоит отметить небольшую книгу «Лирика и эпос», статью «К вопросу о задачах поэтики», рецензию на книгу В. М. Жирмунского «Рифма, ее история и теория» (Пг.: Academia, 1923) и интересующий нас «Жанр и его термины» с посвящением «Юрию Тынянову».

Трудно судить о том, какими были отношения двух ученых. Одним из немногих свидетельств их общения является сохранившийся экземпляр тыняновской книги «Проблема стихотворного языка» (Л.: Academia, 1924) с дарственной надписью «Дорогому Константину Антоновичу Шимкевичу», датированной 6 мая 1924 года.¹ Не приходится сомневаться в значении тыняновских идей для Шимкевича — в его статьях еще с конца 1910-х годов встречаются следы чтения формалистов,² а ко времени начала работы в Институте истории искусств он окончательно усваивает новую теорию литературы, формализм становится его инструментарием, что очевидно даже на основе опубликованных работ — статьи Шимкевича базируются на имманентном анализе литературных текстов, в них отсутствуют попытки биографического или психологического истолкования интересующих филолога сюжетов, а сближение текстов разных авторов происходит на основе изучения мотивов и литературных приемов. Недаром Б. М. Эйхенбаум признавал методологическую близость Шимкевича формалистам: в статье «Теория „Формального метода“» он перечисляет «историко-литературные работы, непосредственно с „Опоязом“ не связанные, но идущие по той же линии изучения эволюции литературы, как специфического ряда», среди которых называет «Пушкина и Некрасова».³

¹ Собрание А. Ю. Балакина.

² Нами подготовлен обзор статей Шимкевича о Пушкине, в которых можно увидеть ранний интерес филолога к формализму (Временник Пушкинской комиссии. Вып. 34; в печати).

³ *Эйхенбаум Б. М.* Теория «формального метода» // *Эйхенбаум Б. М.* Литература: Теория. Критика. Полемика. Л., [1927]. С. 146–147.

Статью «Бенедиктов, Некрасов, Фет» также можно характеризовать определением Эйхенбаума — она в каком-то смысле является распространением тыняновского тезиса о том, что «поэзия в 30-х годах мимо его <Пушкина> ушла не вперед и не назад, а вкось: к сложным образованиям Лермонтова, Тютчева, Бенедиктова».¹ Тем не менее, именно эта работа вскрыла и расхождение двух филологов — Шимкевич в ней открыто полемизирует с тыняновской интерпретацией Некрасова, что было отмечено, например, А. П. Чудаковым.² Эта полемичность заостряется тем, что статья Шимкевича была опубликована в пятом выпуске «Поэтики», ознаменовавшем конфликт внутри формалистского сообщества — поэтому, возможно, не до конца справедлив отзыв Тынянова: «Работы Жирмунского, Гуковского, Шимкевича, при их разности, считал и считаю работами враждебными ОПОЯЗу, враждебными тому направлению, которое я считаю главным делом своей жизни».³ Стоит также упомянуть, что после чтения Тыняновым статьи «Литературное сегодня» 11 мая 1924 года в Комитете современной литературы начались прения, в рамках которых Шимкевич указал «на статичность определения автором статьи жанра, между тем как жанр текуч».⁴ Это имеет прямое отношение к интересующей нас рукописи.

¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Поэтика: Сб. статей. Л., 1926. Т. 1. С. 126.

² Чудаков А. П. Комментарии <к статье «Стиховые формы Некрасова»> // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 406. Позднее исследователь оставил такую дневниковую запись: «Размеры преступления советской власти перед филологией как-то забываются, но всякий раз поражают в каждом конкретном случае. Некрасоведение уныло и бледно, и едва ли не лучшая статья после Эйхенбаума и Тынянова — Шимкевича 1929 г. — их ученика, тоже формалиста. А, видимо, был рядовой ученик. Но сколько поставил чисто литературных проблем. И сколько бы было этого, если б не прикрыли издания вроде „Поэтики“. Все наше л/ведение (история литературы) было бы иным» (Чудаков А. П. Из дневников, записных книжек, писем // Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. М., 2015. С. 533).

³ Цит. по: Савицкий С. А. Частный человек. Л. Я. Гинзбург в конце 1920-х — начале 1930-х годов. СПб., 2013. С. 93.

⁴ Протоколы дискуссий Комитета по изучению Современной Литературы Российского Института Истории Искусств за 1924 год (январь-май) // РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. №. 36. В тексте реплика Шимкевича перечеркнута. Благодарю К. А. Кумпан, которая прислала расшифровку протоколов и любезно помогала на всех этапах работы с архивом Шимкевича.

Статья Шимкевича «Жанр и его термины» не закончена, материалы к ней находятся в папке, на обложке которой указано название и посвящение.¹ Помимо основного текста статьи в папке собраны несколько листов с черновиками и сторонний фрагмент о символизме. Сохранившийся текст состоит из 28 листов в авторской нумерации, именно на нее проставлены дальнейшие ссылки (три листа, пронумерованные 10₁–10₃ представляют собой более позднюю вставку). Среди черновиков вложен лист с выпиской слов А. Е. Крученых: «Новое содержание тогда лишь выявлено, когда достигнуты новые приемы выражения, новая форма».² Возможно, эти слова должны были стать эпиграфом, хотя они могут относиться и к упомянутому тексту о символизме.

Судя по всему, статья была написана в 1930 году: в основном тексте есть ссылка на издание 1929 года, а в упомянутой вставке цитируется и сборник 1930-го. Любопытно, что в статье отсутствует разбор более поздних теоретических работ Тынянова, однако это можно объяснить тем, что критику Шимкевича вызвала не концепция ученого в целом, а лишь одна из ее составляющих, касающаяся вопроса о терминологии. Вряд ли статья могла быть создана позднее — подобная полемика не имела никакого смысла после разгрома Института истории искусств в 1930 году,³ тем более что Шимкевич,

¹ Анализируя посвящения, предпосланные статьям Тынянова «Промежуток», «Литературный факт» и «О литературной эволюции», Я. С. Левченко указывает, что для формалистов этот элемент текста был довольно важен: «Посвящения выступают в роли дополнительных кодов, которые в форме, сжатой до знака-указателя, обогащают семантический потенциал указанных текстов. Для Тынянова как искушенного знатока текстов и автора своеобразной концепции жанра посвящение было случаем предельной сжатости конструктивного принципа» (Левченко Я. С. Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии. М., 2012. С. 68). Предваряя посвящением резко критическую статью, Шимкевич мог как бессознательно стилизовать, так и тонко травестировать внутренний «диалог посвящений» лидеров школы. Правда, стоит отметить, что журнальный вариант «Литературного факта» не имел посвящения «Виктору Шкловскому», оно появилось лишь в книжной публикации.

² Крученых А. Е. Новые пути слова // Хлебников В. В., Крученых А. Е., Гуро Е. Г. Трое. СПб., 1913. С. 36.

³ См.: Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: Сб. статей / Под ред. М. Э. Маликовой. М., 2014. С. 8–128.

попав под первую же волну чисток, исчез из публичного и академического поля — до конца жизни он занимался преподаванием в школах, техникумах и театральных училищах.¹ Сохранившийся автограф нельзя назвать беловым: об этом свидетельствуют множество правок и добавлений, неуклюжесть некоторых оборотов, отсутствие сформулированных выводов. Подробный текстологический комментарий не входит в наши задачи, поэтому мы сочли возможным привести орфографию и пунктуацию текста к современным нормам. Цитаты приводятся с учетом авторских правок.

В первых же абзацах «Жанра и его терминов» Шимкевич формулирует свою позицию относительно того, как нужно работать с литературными рядами:

Наша современность, достаточно острожно, что вполне естественно, останавливается на проблеме литературных жанров. Изучение отдельного произведения, вырванного из той или иной литературной среды, стало возможным только в теоретическом плане, с точки же зрения исторического анализа всякое исследуемое произведение стало неизбежно попадать, и должно попадать не в окружение произведений одного писателя, а в известную среду, где обязательно имеются или подобные ему, или противоположные. Тогда, стремясь понять одно произведение, мы должны невольно проанализировать или ему подобные, или противоположные, или и те и другие. Словом, обязательно в условиях исторического анализа мы натываемся на общелитературные ряды. Поэтому, если возможна монография о каком-либо писателе, то она возможна, только на тех условиях, чтобы исследователь нашел те ряды, в которые попадали произведения изучаемого писателя. Та роль, какую они сыграли в жизни наблюдавших в их время литературных рядов, и определит историческое положение произведений данного писателя в известном отрезке времени, но несовременный современник может оказаться, и так почти всегда бывает в силу исторических законов, современником несовременности. Тогда часть его произведений, в свое время не уложившаяся в существовавшие тогда литературные ряды, прекрасно уляжется теперь. И вот происходит литературное

¹ О дальнейшей жизни филолога см.: «Дни кувыркались как кролики, которых подстреливали на бегу». Письма Константина Шимкевича к дочери (февраль–март 1944 года) / Публ. В. С. Отяковского // Неприкосновенный запас. 2019. № 6 (128). С. 4–20.

возрождение. Причины таких возрождений и вызывают особый интерес именно к рядам. Но, как показывает анализ, ряды бывают различные. И совершенно очевидно, что они не только утверждают за собою право на существование, но требуют особой ясности и точности, конечно, теоретической, при их различении. Ведь если мы, высоко оценивая историческую роль одних произведений писателя, наоборот, сводим значение других до нуля, то мы, фактически, уже уходим от писателя, как такового, к произведению. Следовательно, в истории уже не писатель связывается с писателем, а произведение с литературными рядами. Но здесь-то, при таком построении истории литературы, и возникает целый ряд вопросов о тех признаках, на основании которых произведения вступают в ряды.

Казалось бы, понятие литературного ряда, единственно необходимое, вовсе не нуждается в защите, но в наше время оно пережило исключительное отрицание. Причина этого отрицания очень понятна, как результат литературного брожения, перенесенного на науку. Отсутствие в этой последней именно точного понятия о признаках рядов и о самих рядах, привело к тому, что они сперва были заподозрены, а затем отвергнуты, как мешающие своею отвлеченностью изучению конкретных литературных фактов.

Таким образом, вместо прямого пути проверки, научно-критическая мысль пошла окольным путем, приведшим к почти полному отрицанию понятия рядов. (л. 1—4).

Стоит отметить, что утверждение имманентности литературного ряда было одним из главных тезисов раннего формализма. Сам Тынянов связывал начало разработки этой проблемы со своим исследованием о Достоевском и Гоголе (1921).¹ Впрочем, дальнейшее развитие метода вело к усложнению этой идеи, к попытке сопоставления литературного ряда с другими. На протяжении академической жизни Шимкевич оставался приверженцем имманентного анализа — недаром именно эту черту его метода подмечал Эйхенбаум. Отход от этой идеи закономерно возмущает филолога, и он призывает «вернуться к корням».

В настоящее время, чтобы восстановить значение понятия общелитературного ряда, необходимо разобрать все те способы, которыми его пытались уничтожить.

¹ Тоддес Е. А. Комментарий <к «Предисловию к книге „Архаисты и новаторы“> // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 567.

Первый способ — это обращение к учебникам. Конечно, это обращение вполне правильное, так как оно, действительно, ударяет как раз по тому месту, которое наиболее чутко отражает утвердившуюся истину. Ведь если плоха наука, то учебник не может быть хорошим. Учебник в наше время вообще стал обвиняться в математической точности и в противоречии живым литературным фактам. Именно точность определения жанра, как понятия рода и вызвала возражение.

Главнейшим выразителем этого протеста против математической точности старой теории литературы и отрицания ее положений явилась статья Ю. Н. Тынянова «Литературный факт», напечатанная в № 2 ЛЕФа за 1924 год. (л. 4–5).

Это — ответ на ту критику, которой формалист подвергает академическое литературоведение.¹ По мнению М. О. Чудаковой, тыняновская полемика направлена в том числе и на В. Н. Перетца,² который был важной фигурой для Шимкевича — именно его семинар позволил филологу вернуться в академическую среду после демобилизации в 1921 году.³ Сочетание академизма с интересом к формальному устройству произведения, присущее методу Перетца, вполне описывает и методологические установки Шимкевича.

Далее в «Жанре и его терминах» обильно цитируется «Литературный факт», излагается тыняновская теория жанра, по которой определение может менять свое содержание под влиянием условий литературного быта каждой эпохи.⁴ Здесь особенно явным становится различие позиций двух филологов: Тынянов использует понятие «литературного факта» для того, чтобы расширить границы формалистской методологии, объединить представление о самостоятельности литературного ряда с феноменами ближайших рядов (он приводит в пример заумь, шарады, журнал как литературное

¹ См.: Тынянов Ю. Н. О литературном факте // ЛЕФ. 1924. № 2 (6). С. 101.

² Чудакова М. О. Комментарии <к статье «Литературный факт»>. С. 514.

³ Сохранилось комплементарное рекомендательное письмо Перетца о Шимкевиче: Письмо в Комиссию Научно-Исследовательского Института <сравнительной> истории литературы <и языков> Запада и Востока // ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 2. № 148. Л. 3.

⁴ Тынянов Ю. Н. О литературном факте. С. 101–103.

произведение). Шимкевич же предлагает сосредоточиться на самостоятельности литературного ряда, разделить его на несколько внутренних категорий и в их соположении искать простор для определения жанровых характеристик. Согласно Шимкевичу, неразличение общелитературных рядов является «основной ошибкой некоторых теоретиков литературы» (л. 6), поскольку «в истории литературы мы наблюдаем ряды родового характера и ряды видового характера, т. е. ряды широкого значения и ряды суженного значения» (там же). Шимкевич настаивает на существенности различия между родом и видом — процитировав тыняновские высказывания о величине как второстепенном признаке жанра,¹ он пишет:

Из приведенного отрывка видно, что уже один признак величины дает возможность сохранить понятие поэмы. Таким образом, понятие жанра, хотя и по второстепенному признаку, но может существовать. Но, конечно, если есть второстепенные признаки жанра, то есть и первостепенные. И нетрудно заметить, что смешение понятия жанра и понятия вида, о которых мы говорили выше, привели <sic> к тому, что переоценимы и признаки; жанровые признаки стали расцениваться как видовые <и> обратно. Как раз ни герой, ни характер, ни сказка не являются первостепенным признаком, т. е. признаками жанра, этим признаком является именно величина, принимаемая, как нечто второстепенное. Поэма в родовом своем состоянии есть всецело величина. Если теперь в этом отрицании поставить все на свое место, то понятие жанра (поэмы) будет теоретически достаточно устойчивым и понятным.

И это также неожиданно делает сам Ю. Н. Тынянов, он здесь же пишет: «Роман отличен от новеллы тем, что он — *большая форма* (Курсив Тынянова. — В. О.)». Следовательно, для теоретика вполне достаточно точно: роман — большая форма, поэма — тоже некая большая форма (л. 8–9).

Это приводит Шимкевича к следующему тезису: «жанровые признаки — это признаки величины» (л. 10).² Исходя из этого, он утверждает, что «жанр, как род, распадается на виды, обладающие своими по отношению к жанру, уже

¹ Там же. С. 102.

² Напомним, что в институте истории искусств Шимкевич вел курс под названием «Теория малых форм», сохранился конспект этих лекций, выполненный чей-то рукой.

вторичными признаками. И, предположим, большая форма, в такой же мере, как и малая, будут иметь общие признаки вторичного порядка, т. е. жанры будут осложнены в своем различении видовыми признаками, например, психологичности, авантюристности, фантастичности и т. п. Изучая приемы развития того или иного жанра методами фантастики, мы изучаем только видовые признаки» (л. 11–12). Впрочем, разделение единого понятия жанра на две категории — род и вид — оказывается недостаточным, поэтому Шимкевич предлагает ввести в систему еще один уровень:

Когда мы подходим именно к новелле Чехова или Пирранделло, роману Тургенева или Гамсуна, то здесь мы сталкиваемся с частными состояниями и малой и большой формы, пред нами только частные типы новеллы или романа. Это третий и последний класс литературных явлений. Отсюда боязнь многообразия признаков, которая лежала в основе отрицания понятия жанра как общелитературного явления, совершенно отпадает.

Перед нами три класса: род, вид и тип. Изучение романа вообще есть изучение большой формы, и ее законы есть законы жанра, также как и малой формы. Изучение авантюрного романа есть изучение видового состояния большой формы, а изучение чеховского романа — это изучение типа определенной (в видовом отношении) большой формы.

Таким образом, жанр есть общелитературный ряд, объединенный самыми широкими первоначальными признаками, вид жанра — общелитературный ряд, объединенный узкими вторичными признаками, и, наконец, тип — одно или группа (ряд) произведений характеризуемых или объединенных частными признаками. Иначе говоря, новелла Чехова, Мопассана, Шервуда Андерсена, есть сразу жанр (малая форма) и вид (как психологическая новелла) и, наконец, тип, так как у всех трех писателей есть свои личные особенности (л. 13–14).

Здесь стоит отметить использование филологом биологических терминов, что заставляет вспомнить о том, как удачно Тынянов интегрировал понятие эволюции в науку о литературе. Далее Шимкевич показывает область применения предлагаемой им системы:

Отсюда, чтобы убедительно показать зависимость одного писателя от другого, нужно знать законы жанра и вида, и только уже вне этого, т. е. в сфере частных признаков,

возможно установление зависимости, подчиненность одного писателя другому. Совпадение же общих законов у одного и другого решительно никаких выводов о зависимости как подчинении не допускают. Можно учиться общим законам большой формы у Толстого, у Теккерея, у Белого,¹ но насколько не подчиняться их типовым чертам.

Так, если таинственный роман как вид связан с именем Рэдклиф, как одной из его основательниц, то вместе с тем он у нее типовой, как личный, в силу его дальнейшего распространения. Поэтому, восстанавливая историю вида, мы могли всегда указать ту или иную степень значения в истории писателя.

Иначе говоря, в первую очередь, при подходе к характеристике конкретного литературного факта, необходимо иметь общую теоретическую базу, в противном случае развивается научный импрессионизм, — явление, не обладающее никаким правом на существование, в противоположность критическому импрессионизму, как явлению, живущему требованиями вкуса. Научный импрессионизм вреднее всего именно потому, что распространяет популярную, искаленную терминологию.

Так, для нашего времени в период искания большой формы было характерно обращение к Толстому. При этом, среди писателей наблюдалось следующее: одни проникались общим ощущением большой формы Толстого, эти остались самостоятельны, другие, наоборот, утрачивая самостоятельность, брали типовые черты большой формы Толстого, т. е. подчинялись тому, что исторически несвоевременно (л. 15–16).

Стоит отметить, что формалисты и сами осознавали неоднозначность своего понятийного аппарата — Тынянов писал о неясности собственного языка,² а Эйхенбаум обращал терминологическую неоднозначность в риторический прием, говоря, что «мы <формалисты> не занимаемся определениями».³ В черновиках к статье Шимкевич выписал последнюю фразу, заметив: «Таким образом, задача историка литературы изменилась, он сделался только истолкователем».⁴ Прочитав слова Тынянова о том, что «Термин конкретен,

¹ Фамилия Белого надписана над зачеркнутым «Федина».

² Тынянов Ю. Н. Предисловие к книге «Архаисты и новаторы» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 396.

³ Эйхенбаум Б. М. Теория «формального метода». С. 117.

⁴ Листы черновиков не пронумерованы.

определение — эволюционирует, как эволюционирует сам литературный факт»¹ (л. 18), Шимкевич разводит науку, литературу и вненаучное обсуждение литературы, используя понятие литературного быта.

К сожалению, жизнь термина в науке и в литературном быту (в критике и т. д.) совершенно неодинакова. Если наука каждый термин старается сопровождать определением в случае его эволюции, то быт употребляет термин как колеблющийся значок <...> Из того, что под балладой или романсом в разное время подразумевали самое различное, вытекает прежде всего то, что термин может перемещаться иногда даже в противоположную область. Бытовой термин, действительно, конкретное явление, но не теоретического, а исторического характера, теоретическая же терминология должна быть надысторической (л. 18–19, 20).

Шимкевич пишет, что «изменение понимания термина должно быть раскрыто всякий раз в условиях литературной обстановки» (л. 20), хотя такой подход может превратить теорию литературы в историю терминов. Это заставляет филолога внимательнее рассмотреть то, как трансформируется терминология вне научного поля:

Можно ли ограничиться пониманием материала только в том виде, в каком он остался нам по историческому наследству? Конечно, весь терминологический (бытовой) материал принципиально дефектен. Во-первых, потому что большей частью мы за термином не имеем толкования, следовательно, мы в него будем подсовывать свое объяснение, якобы опирающееся на что-то, хотя бы, на иллюстрацию. Во-вторых, потому что данный даже с точным объяснением, он характеризует только то лицо или группу лиц, с теоретической точки зрения которых он употреблен, случайно, т. е. в печати. Мы прекрасно знаем, что большая часть высказываний не письменная, а устная, и эта часть бесследно исчезает, часто покрывая всю терминологию безнадёжной мутью.

Мы от своей современности отлично видим, что в то время, как в печати маячит какой-либо термин или объяснение, возникшее в журнальной толчее, в среде знатоков он ничего кроме иронии не вызывает, и как раз эту-то иронию вовсе не считают нужным выливать на горячую голову кричащих, оставляя термину право сделаться выразителем

¹ Тынянов Ю. Н. О литературном факте. С. 116.

своей эпохи. Но самое главное во всем этом — возможность термина жить своею жизнью.

Так, если большая форма закрепила за собою в известное время термин «роман», то это еще не значит, что этот термин в истории литературы не мог жить самостоятельной жизнью. Достаточно было ему сделаться термином жанра, как в условиях жанровой борьбы ему дали право на самостоятельную, хотя и пародийную жизнь. Так, например, это было в восьмидесятих годах, когда большая форма стала разлагаться, а малая — не вышедшая из большой, а самостоятельная — перешла в наступление. И вот представитель малой формы Чехов пишет свой известный роман «Женщина без предрассудков» или «Брак по расчету», затем роман доктора и репортера. Здесь роман как жанр принял вид миниатюры, а термин большой формы с пародическими целями стал применяться к несоответствующему материалу. Стоило в свое время роману утвердиться на любовной интриге, как термин «роман» ушел в быт настолько, что в провинции под «романом» иногда и не думали подразумевать нечто, связанное с литературой.¹

Так, в эпоху литературного брожения, вызывая толки, «Мертвые души» именуется поэмой, из этого один вывод — это то, что термин жанра может жить самостоятельной жизнью, вступая в самые оригинальные соединения — например, у Сельвинского мы встречали стихотворение, названное «лирическою балладою».

Стоит подойти к этому обозначению произведения с анализом, как мы неизбежно будем искать того или иного общелитературного материала, который назвал Сельвинский лирическою балладою. И в конце концов окажется, что материал жил своей эволюционной общелитературной жизнью, а термин принял частное толкование; следовательно — путь не от конкретного термина к материалу, а от общелитературной, теоретической характеристики к материалу, а затем, если нужно, к термину (л. 21–24).

Наконец, последним возражением, которое Шимкевич выдвигает против «Литературного факта», становится тезис Тынянова о фрагменте, который может восприниматься

¹ Так, термин «басня», уйдя в быт, стал характеризовать всякую выдумку вообще, термин «элегия» сузился и потерял одно из важнейших своих отличий — тональность, так было и со многими другими жанрами и видовыми терминами. Типовой же термин, как т. ск. именной не имеет самостоятельной жизни, что и характеризует его, как явление наиболее узкого характера (*примеч. Шимкевича*).

и как отрывок, и как самостоятельный жанр. По Шимкевичу, этот вопрос, опять-таки, относится к области определения терминологии, а не внутреннего состояния жанра:

С теоретической же точки зрения отрывок всегда, во всей своей эффективности, есть выставление алогических начал рода. Но это-то и основано на ощущении логических состояний рода. Следовательно, отрывок, сам по себе, может принять канонический вид, стереться в своем алогическом состоянии, словом, сделаться неощутимым по отношению к логическому состоянию рода, но он всегда сам по себе не есть особый род. <...> Жанр колеблется тогда, когда обычные формы единого жанра переносятся на другой. Но если мы возьмем известной эпохи поэму как жанр, характеризуемый величиной, то в нее, конечно, бросятся в глаза все его отличительные черты и начинания и развития и замыкания. Предположим, в известную эпоху замыкание будет крайне относительным или даже будет отсутствовать. И все же ясно, что это будет поэма и вместе с тем фрагмент, т. е. фрагментарная поэма как состояние поэмы, но не как ощущение фрагмента как особого рода. Но, конечно, все стилистические средства и приемы будут иначе ощущаться в движении законченном и незаконченном, т. е. с точки зрения разделения на классы, пред нами опять вопрос не жанра, а вида, — вида конструктивного порядка, т. е. поэма с конструктивной точки зрения может быть фрагментарной, целостной, руинной и т. п., но она все-таки остается поэма, так же как и в том случае, если она психологическая, авантюрная, фольклорная, декадентская, историческая, солдатская и т. д. (л. 25–26, 27–28).

Этим «и т. д.» заканчивается автограф статьи. Среди черновиков нет определенных выводов, но одна из заметок довольно точно суммирует ее смысл (хотя перед приведенной цитатой и написано несколько зачеркнутых слов, явно относящихся к другому фрагменту):

Тогда постижение исторического лит. факта должно идти на основе слияния с общетеоретической базой. Самый факт расширения или сужения этой базы и есть объективная оценка сущности конкретно-исторического явления. Изучение же высказываний о лит<ературе> есть изучение только, т<ак> ск<азать>, окололитературного материала. Это не более как подсобный материал истории взглядов и отношений, часто не столько пониманий, сколько непониманий т. наз. современников.

Таким образом, «Жанр и его термины» можно характеризовать как один из тех текстов, которые вскрывают внутренний кризис формального метода. «Литературный факт» должен был снять ограничения со ставшего уже традиционным имманентного анализа, однако то, что ощущалось Тыняновым как развитие опоязовских идей, Шимкевичем было воспринято как отказ от собственно литературной науки. Тынянов предлагал идти «вширь», изучая превращение материала соседних рядов в литературный факт, а Шимкевич смотрел «вглубь», в сторону усложнения «специфического ряда».

«История взглядов и отношений», «непониманий современников», презираемая Шимкевичем, оказалась частью того литературного быта, ненаписанная теория которого продолжает привлекать все новых исследователей. «Литературный факт», ставший классикой гуманитарной науки, вряд ли может потерять хоть долю авторитета от критики Шимкевича, которая, к тому же, нацелена не в центральную область тыняновского смыслопорождения. Тем не менее, «Жанр и его термины» в очередной раз напоминает о сложности внутренних отношений, казалось бы, единомышленников и наделяет дополнительным объемом эпоху русского формализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Дни кувыркались как кролики, которых подстреливали на бегу». Письма Константина Шимкевича к дочери (февраль-март 1944 года) / Публ. В. С. Отяковского // Неприкосновенный запас. 2019. № 6 (128). С. 4–20.
2. Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л., 1978.
3. Иванюк Б. П. Метафора и литературное произведение. Черновцы, 1998.
4. Кумпан К. А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: сб. статей / Под ред. М. Э. Маликовой. М., 2014. С. 8–128.
5. Левченко Я. С. Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии. М., 2012.
6. Савицкий С. А. Частный человек. Л. Я. Гинзбург в конце 1920-х — начале 1930-х годов. СПб., 2013.

7. Тынянов Ю. Н. О литературном факте // Леф. 1924. № 2 (6). С. 101–116.
8. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
9. Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Поэтика: Сб. статей. Л., 1926. Т. 1. С. 107–126.
10. Чудаков А. П. Из дневников, записных книжек, писем // Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. М., 2015. С. 501–637.
11. Шимкевич К. А. Бенедиктов, Некрасов, Фет // Поэтика: Сб. статей. Л., 1929. Т. 5. С. 105–134.
12. Шимкевич К. А. Еще одна дата // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1918. Вып. 29/30. С. 34–35.
13. Шимкевич К. А. Из отголосков на смерть Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 23/24. С. 123–126.
14. Шимкевич К. А. Литературный обед у Смирдина с участием Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л., 1927. Вып. 31/32. С. 111–118.
15. Шимкевич К. А. Пушкин и Некрасов // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926. С. 313–344.
16. Шимкевич К. А. Роль уподобления в строении лирической темы // Поэтика. Т. 2. Л., 1927. С. 41–54.
17. Эйхенбаум Б. М. Теория «формального метода» // Эйхенбаум Б. М. Литература: Теория. Критика. Poleмика. Л., [1927]. С. 116–148.

REFERENCES

1. Chudakov A. P. Iz dnevnikov, zapisnyh knizhek, pisem // Chudakov A. P. Lozhitsja mгла na starye stupeni: Roman-idillija. M., 2015. P. 501–637. (In Russ.)
2. «Dni kuvyrkalis' kak kroliki, kotoryh podstrelivali na begu». Pis'ma Konstantina Shimkevicha k docheri (fevral'-mart 1944 goda) / publ. V. S. Otiakovskogo // Neprikosnovennyj zapas. 2019. № 6 (128). P. 4–20. (In Russ.)
3. Eikhenbaum B. M. Teorija «formal'nogo metoda» // Eikhenbaum B. M. Literatura: Teorija. Kritika. Polemika. L., [1927]. P. 116–148. (In Russ.)
4. Eremina V. I. Pojeticheskij stroj russkoj narodnoj liriki. L., 1978. (In Russ.)
5. Ivanjuk B. P. Metafora i literaturnoe proizvedenie. Chernovcy, 1998. (In Russ.)
6. Kumpān K. A. Institut istorii iskusstv na rubezhe 1920–1930-h godov // Konec institucij kul'tury dvadcatyh godov v Leningrade: sb. statej / Pod red. M. Je. Malikovoj. M., 2014. P. 8–128. (In Russ.)

7. *Levchenko Ja. S.* Drugaja nauka: Russkie formalisty v poiskah biografii. M., 2012. (In Russ.)
8. *Savickij S.A.* Chastnyj chelovek. L. Ja. Ginzburg v konce 1920-h — nachale 1930-h godov. SPb., 2013. (In Russ.)
9. *Shimkevich K.A.* Benediktov, Nekrasov, Fet // Pojetika: Sb. statey. L., 1929. T. 5. P. 105–134. (In Russ.)
10. *Shimkevich K.A.* Eshhe odna data // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovanija. Pg., 1918. Vyp. 29/30. P. 34–35. (In Russ.)
11. *Shimkevich K.A.* Iz otgoloskov na smert' Pushkina // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovanija. Pg., 1916. Vyp. 23/24. P. 123–126. (In Russ.)
12. *Shimkevich K.A.* Literaturnyj obed u Smirdina s uchastiem Pushkina // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovanija. L., 1927. Vyp. 31/32. P. 111–118. (In Russ.)
13. *Shimkevich K.A.* Pushkin i Nekrasov // Pushkin v mirovoj literature: Sb. statey. L., 1926. P. 313–344. (In Russ.)
14. *Shimkevich K.A.* Rol' upodoblenija v stroenii liricheskoj temy // Pojetika: Sb. statey. L., 1927. T. 2. P. 41–54. (In Russ.)
15. *Tynjanov Ju. N.* O literaturnom fakte // LEF. 1924 № 2 (6). P. 101–116. (In Russ.)
16. *Tynjanov Ju. N.* Pojetika. Istorija literatury. Kino. M., 1977. (In Russ.)
17. *Tynjanov Ju. N.* Pushkin i Tjutchev // Pojetika: Sb. statey. L., 1926. Vol. 1. P. 107–126. (In Russ.)